

Яна Евгеньевна АНДРЕЕВА¹

УДК 81'255.2

**ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
КАТЕГОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В РОМАНЕ Г. Ш. ЯХИНОЙ «ЗУЛЕЙХА ОТКРЫВАЕТ ГЛАЗА»
И В ЕГО ПЕРЕВОДЕ НА КИТАЙСКИЙ ЯЗЫК**

¹ аспирант, Тюменский государственный университет
y.e.andreeva@utmn.ru

Аннотация

В статье рассматриваются лингвистические средства репрезентации категории повседневности в романе Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и в его переводе на китайский язык. В последнее время наблюдается увеличивающийся интерес к антропологии повседневности — широкому направлению исследований повседневной жизни. Сопоставительное изучение языковых единиц, которые раскрывают сущность обыденного существования человека, позволяет выявить лакунарные единицы, представляющие трудность для перевода художественной литературы в контексте русско-китайской языковой пары. Научная новизна исследования определяется привлечением к анализу лингвистических способов передачи категории повседневности в аспекте перевода русского художественного текста на китайский язык. В работе были использованы методы сопоставительного, компонентного, контекстуального анализа, метод лингвокультурологического комментирования. В результате исследования были выявлены лексико-семантические, лексико-стилистические и грамматические лакунарные единицы, которые демонстрируют лингвокультурологические барьеры в процессе перевода текста на китайский язык.

Сопоставительный анализ текстов был проведен с целью осмысления лексических и грамматических трансформаций, выполненных в процессе перевода. В результате

Цитирование: Андреева Я. Е. Лингвистическая репрезентация категории повседневности в романе Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и в его переводе на китайский язык / Я. Е. Андреева // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 2 (26). С. 77-95.
DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-2-77-95

были определены основные способы компенсации лакун повседневности в русско-китайском переводе: транскрипция, калькирование, описательный перевод, лексико-семантическая замена. Кроме того, было установлено, что изучение различных вариантов изображения обыденности в художественном тексте не только дает возможность выявить лакунарные единицы повседневности, но и раскрывает художественно-философский замысел произведения.

Ключевые слова

Категория повседневности, лакуны, лексическая трансформация, грамматическая трансформация, лакунарная компенсация.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-2-77-95

Введение

В настоящее время исследования в области лингвистики и переводоведения отличаются переносом акцентов на отдельного человека, его повседневные практики. Актуальность работы заключается в необходимости изучения лакунарных единиц повседневности и их передачи в процессе перевода с русского языка на китайский, исследования процессов трансляции гендерно обусловленной информации и национально-специфичных смыслов при переводе художественного текста, а также анализа значимых лингвокультурных факторов, оказывающих влияние на переводческую деятельность.

Материалом исследования послужили текст романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» [27] и текст его перевода на китайский язык [31].

Целью настоящего исследования является определение и сопоставление языковых средств репрезентации категории повседневности в романе «Зулейха открывает глаза» и в его переводе на китайский язык.

В работе был использован метод сопоставительного анализа, заключающийся в определении общих и отличительных признаков оригинала и перевода на лингвистическом, лингвокультурологическом уровнях. Метод компонентного анализа был применен с целью изучения семантического содержания лексем, а также выявления расхождений в переводе. Метод контекстуального анализа позволил выявить обусловленность значения слова контекстом. Кроме того, к исследованию был привлечен метод лингвокультурологического комментария для объяснения переводческих решений.

В гуманитарных науках в середине XX в. возникло широкое направление исследований повседневной жизни — антропология повседневности. В контексте историко-антропологического изучения повседневности (Жак Ле Гофф [10], А. Я. Гуревич [6]) рассматриваются связанные с ней ритуалы и обычаи, а также компоненты материальной культуры некоторой этнической общности. Сущность категории повседневности проясняют в своей работе «Социальное конструирование реальности» социологи П. Бергер и Т. Лукман: «Повседневная жизнь представляет собой реальность, которая интерпретируется людьми и имеет

для них субъективную значимость в качестве цельного мира» [3, с. 12]. Исследователи подчеркивают высокий статус данной категории, называют ее «высшей реальностью» [3, с. 13]. Культурологи сосредотачиваются на проблемах современной культуры, которые проявляются в обыденной жизни человека. Так, исследователь М. В. Капкан в работе «Культура повседневности» выделяет следующие составляющие категории повседневности: трудовая деятельность, формулы поведения, техники решения проблем, развлечения, стереотипы [9, с. 9]. Таким образом, повседневность включает в себя «всю жизненную среду человека, сферу непосредственного потребления, удовлетворения материальных и духовных потребностей, связанные с этим обычаи, ритуалы, формы поведения, привычки сознания» [26, с. 95].

Лингвистический интерес к повседневности выражается в изучении повседневной речи, содержания концептосферы повседневности в языковом сознании определенного народа, лингвистических средств репрезентации элементов данной категории. Выявление содержания понятия «повседневность» через Русский ассоциативный словарь обнаружило следующие реакции на словостимул «повседневный»: труд (10), костюм (5), разговор (5), быт (4), наряд (4), обычный (4), ежедневный (3), будничные (2), надоевший (2), нудный (2), обыденный (2), скучно (2), банальный (1), будничность (1), всегда (1), каждый раз (1), обычно (1), постоянный (1), рутина (1), серый (1), тоска (1) [18]. В Современном толковом словаре русского языка Т. Ф. Ефремовой представлены следующие дефиниции лексемы «повседневный»: «1. Совершающийся, происходящий, имеющий место каждый день, изо дня в день. 2. перен. Будничные, обыденный» [8]. В Словаре синонимов русского языка З. Е. Александровой предложены такие синонимы к слову «повседневность», как «обыденность, будничность, прозаичность, шаблонность, обыденщина, ежедневность, обычность, каждодневность» [1]. В китайских словарях *повседневность* > 日常 имеет следующее значение: 平时; 平常的日子 (区别于特定的日子, 如假日、节日等) [30] («Обычно; обычные дни (отличные от определенных дней, таких как праздники, фестивали и т. д.)»).

Анализ термина через обращение к различным лексикографическим источникам показал некоторую степень негативной оценки понятия повседневности. В связи с этим на данный момент образовалось два подхода к пониманию представленной категории: основоположники первой точки зрения ориентируются на повторяемость и рутинность повседневного мира, сторонники второго подхода — на поиски переменного и противоречивого в обыденной жизни [19, с. 149]. К последователям второго подхода чаще всего относятся писатели, исследователи художественных текстов. Повседневность интерпретируется как «реализованная автором целостная система культурных кодов и практик, в которой представлена вся полнота бытия/поведения человека» [19, с. 145]. Таким образом, содержание повседневности раскрывается с точек зрения философии, социологии, культурологии, языкознания и литературоведения, что свидетельствует о междисциплинарном характере исследований категории.

С целью выявления и классификации репрезентантов повседневности в художественном тексте нами были проанализированы работы ведущих исследователей категории повседневности в лингвистике и культурологии (А. Л. Ястребичка, Н. Л. Новикова, Т. Г. Струкова, И. А. Манкевич, Н. Л. Чулкина, М. В. Капкан и др.). В своей монографии «Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание» Н. Л. Чулкина выделяет два «измерения» мира повседневности в языке [24]. В основу первого заложены тематический принцип отбора языкового материала, идеографическая параметризация слов-понятий концептосферы повседневности. Автор выделяет такие рубрики, как дом (жилище и семья), социальные занятия (работа, учеба), развлечения, здоровье. К другому «измерению» относятся «слова — другие люди». Человек, проживающий/переживающий обыденность, является необходимым критерием существования повседневности. С этой точки зрения исследуется не только телесность человека как культурный конструкт, но и его социальные роли, раскрывающие intersubjectивную сущность повседневного существования. Кроме того, повседневность измеряется своим «вещным миром», который наполняет локус проживания и тесно связан с миром человеческих ценностей, а также «словами-ситуациями», отражающими одну из констант русской повседневности — стереотипность, сценарную структуризацию обыденной жизни [24, с. 219].

Выявление лингвистических средств репрезентации компонентов повседневности возможно через обращение к ее важнейшему качеству — наличию пространственной и временной структуры. В связи с этим В. Д. Лелеко в монографии «Пространство повседневности в европейской культуре» выделяет локус проживания человека [11]. Личное пространство (дом, жилище) наполняется вещами, где реализуются жизнедеятельность, поведенческие и коммуникативные практики человека/персонажа. Среди сущностных свойств обыденности есть и временная характеристика, при этом цикличность данного параметра устанавливается исходя из содержания самого понятия «повседневность». Однако в работе «Повседневное и повседневность» исследователь А. Лефевр отмечает, что в циклическом устройстве повседневности можно выделить также повторяющиеся действия труда и потребления, не образующие цикла [12, с. 35]. Общим для всех работ является мнение о том, что повседневность представляет собой повторяющееся проживание человеком мира обыденности.

Роман «Зулейха открывает глаза» был переведен на три десятка языков мира, в том числе произведения Гузели Яхиной активно переводятся в Китае [7]. Текст художественного произведения демонстрирует лингвокультурологические барьеры в процессе его передачи на китайский язык, а сам перевод — различные переводческие трансформации. Это связано с лингвистическими и экстралингвистическими факторами, которые влияют на лексическую и грамматическую лакунарность повседневности и ее отражение в китайском переводе. Под явлением лакунарности, или лакуны, в данной работе мы понимаем «крайнюю форму структурного или культурно-выразительного расхождения между языками, характеризующуюся присутствием фактов или реалий в одном языке и их

отсутствием в другом» [16, с. 7]. Изучение лакунарности русско-китайского перевода позволяет рассматривать в целом особенности данных языков на лексическом и грамматическом уровнях, эквивалентность и адекватность перевода [4, с. 110; 23, с. 40]. В условиях русско-китайской языковой пары, на материале произведения Г. Ш. Яхиной и его перевода в данной работе выделены следующие виды лакунарных единиц повседневности: лексико-семантические, лексико-стилистические и грамматические [2].

Единицами сопоставительного анализа оригинала и его перевода стали слова, выражения категории повседневности, а также фрагменты текста, релевантные с точки зрения реализации обыденности. Роман содержит элементы бытовой и духовной культуры с ее аксиологическими установками, что позволяет исследовать текст с позиции лингвистической репрезентации категории повседневности. Кроме того, повседневность текста получает переосмысление с точки зрения гендерной проблематики, поскольку в центре произведения — судьба татарской женщины Зулейхи. Выявление различных вариантов изображения повседневности в художественном тексте и в его переводе дает возможность обнаружить лакунарные единицы обыденности, раскрывает особенности человеческого существования.

Результаты

В центре категории повседневности находится человек, поэтому сфера обыденности охватывает многообразные жизненные аспекты: частную и публичную жизнь человека/персонажа, его различные эмоциональные проявления.

Исследование повседневности в художественном тексте начинается с понятия «телесность», в котором выражаются базовые физические параметры человека (возраст, пол, рост, вес, физические возможности и здоровье). Мы разделяем позицию Е. И. Тарутиной, что параметры телесности формируют основные сферы повседневности: «труд, быт, режим и образ жизни» [20, с. 11]. Актантом обыденного сознания в произведении Гузели Яхиной является бездетная женщина Зулейха, что в традиционной татарской культуре патриархального типа наделяет ее низким статусом. Это определяет обыденность персонажа: одежду, атрибуты повседневности, вещный мир, сценарно-ролевую структуру повседневности. В тексте описания героини обращает на себя внимание частотность употребления слов и выражений, характеризующих рост / 个头儿 и вес / 体重 персонажа (см. таблицу 1). Лексемы и словосочетания *мелкая* > 瘦小, *тонкая* > 孱弱, *крошечная* > 矮小, *худокостая* > 骨血不好, *маленького роста* > 瘦小, *маломерка* > 瘦小, *ростом не вышла* > 个头儿没长起来 коррелируют с понятиями *жалость* > 怜悯, *мокрая курица* > 可怜虫 (досл. «жалкая букашка»).

Подобное изображение внешности главной героини определяет области повседневности, в которых проявляется жизнь Зулейхи. Эти сферы демонстрируют гендерную стереотипизацию представленного этнического общества: подчеркнутую физическую слабость и несостоятельность героини в вопросах ведения домашнего быта, трудовой деятельности и выполнения репродуктивной функции, низкую степень участия в социальной жизни поселения.

Человек, проживающий обыденность, дополняет и окружает свое тело различными аксессуарами. Первым звеном, участвующим в переходе от тела физического к «социальному Я», становится одежда, которая позволяет выявить границы культурного и исторического фона текста. Одежда персонажа связывает текст с эпохой, ее культурной жизнью. «В литературном произведении костюм-образ — художественная деталь и стилистический прием для выражения авторского отношения к действительности и отражения ее реалий» [13, с. 149]. Рассмотрим функциональные характеристики *платка* > 头巾 как традиционного элемента

Таблица 1

Передача телесности

Table 1

The transmission of corporeality

«Сама-то она <i>мелкая</i> , еле достает Муртазе до плеча» ¹ .	«她自己长得瘦小, 个头儿刚到穆尔塔扎的肩膀» досл. «Сама она <u>маленькая</u> и <u>худая</u> , рост только до плеч Муртазы».
«Жалость? Больно уж <i>мелкая</i> эта баба, <i>тонкая</i> ».	«怜悯吗? 不忍看到这个瘦小而孱弱的女人» досл. «Жалость? Невозможно смотреть на эту <u>маленькую</u> и <u>слабую</u> женщину».
«Зулейха и раньше была <i>мелкая</i> , ниже плеча, а теперь стала и вовсе <i>крошечная</i> , будто сжалась».	«祖列依哈本来就身体瘦小, 还没到他的肩头, 现在变得更加矮小, 几乎缩成一小团» досл. «Зулейха изначально была <u>худой</u> и <u>маленькой</u> , ниже плеча, теперь она стала еще <u>короче</u> , почти сжалась».
«Кончается твой род, <i>худокостая</i> , вырождается».	«你的家族就是这样, 你骨血不好, 天生瘦弱» досл. «У тебя весь род такой, твои <u>кости</u> и <u>кровь</u> плохие, родилась тощей».
«Но пятнадцатилетняя Зулейха была такого <i>маленького</i> роста, когда пришла в дом Муртазы, что Упыриха в первый же день сказала, воткнув в невестку тогда еще яркие изжелта-карие глаза: „Эта <i>маломерка</i> и с сундука не свалится“».	«但是十五年前, 当瘦小的祖列依哈走进穆尔塔扎家的一天, 乌佩里哈用当时还算明亮的黄褐色眼睛死死地盯着儿媳妇, 说着: 这么瘦小, 不会从大箱柜上掉下来的» досл. «Но пятнадцать лет назад, когда <u>худая</u> и <u>маленькая</u> Зулейха вошла в дом Муртазы, Упыриха уставилась на невестку яркими, желтоватыми глазами и сказала: „Такая <u>худая</u> и <u>маленькая</u> , не упадет с сундука“».
«Ни <i>ростом</i> , ни лицом не вышла».	«个头儿没长起来, 脸蛋儿也没有长开» досл. «Рост не стал <u>выше</u> , лицо не раскрылось».

¹ Здесь и далее приведены примеры из текстов оригинала на русском (слева) [27] и его перевода на китайский (справа) [31], а также наша интерпретация (дословный перевод) решений китайских переводчиков.

женского гардероба: «За его спиной — закутанная в платок по брови жена» > «他的身后 — 坐着头巾包裹至眉梢的老婆» (досл. «За ним сидит жена, закутанная по брови платком»); «Переплетает косы, накидывает платок» > «编好发辫, 戴上头巾» (досл. «Волосы переплетены, надет платок»).

Крах привычной повседневности, последовавший за сменой общественно-политической обстановки в стране в 30-е гг. XX в., начал образовывать новые правила взаимодействия человека с окружающим миром. Общественные потрясения первой половины XX в. вынуждают персонажа «прятаться» в повседневной ритуальности, создавать знакомую для себя обыденность за счет такого атрибута, как платок. Перенос элемента привычной повседневности в новую обстановку наблюдаем в тексте романа: «Стала ходить к Игнатову в платке» > «她开始戴着头巾前往伊格纳托夫哪里送饭». Однако в процессе принятия правил новой реальности происходит частичный отказ от регулируемого множеством предписаний культуры традиционного элемента одежды: «С тех пор стала оставлять ему свой платок — пусть лучше утыкается в него. Голову пришлось носить непокрытой» > «从那之后, 她将自己的头巾给他留下 — 哭的时候也好用来擦擦眼泪。而她只好不戴头巾了».

Говоря о константах повседневности, мы уже обращались к социальным ролям, определяющим интересубъективную сущность обыденной жизни, которая заключается в проживании и переживании реальности с другими людьми. Попытаемся смоделировать «социальные маски» (Н. Л. Чулкина), ситуации ролевой и сценарной структуризации повседневности в романе Г. Ш. Яхиной. Прежде всего стоит отметить, что этот аспект повседневности регулируется жесткой системой культурно-национальных эталонов и гендерных стереотипов. Зулейха входит в дом Муртазы с низким социальным статусом. Гендерные номинации в тексте (*баба*, *девка*, *девчонка*) представлены лексемами, имеющими просторечную, разговорно-сниженную, пренебрежительную стилистическую окраску. Примечательно, что в переводе на китайский язык сохраняются оттенки значений феминных референций за счет переводческой компенсации: *девчонка* > 死丫头 (досл. «мертвая девчонка»), *женщина* > 傻娘们 (досл. «глупые женщины»).

Типичный сценарий повседневности, касающийся отношений невестки и свекрови, ярко выражен в тексте произведения. Два женских персонажа, Зулейха и Упыриха, показаны в разных статусных позициях в жестко структурированной системе отношений — в низкой (Зулейха, не имеющая сына) и высокой (Упыриха, свекровь, мать главы семьи Муртазы) [22, с. 157]. Традиционный сценарий отношений невестки и свекрови запечатлен во фразеологии русского и китайского языков, поскольку «фразеология отражает реальные факты действительности и представления о них, сложившиеся в ментальности народа, их сотворившего и использующего» [5, с. 250]. Примечательно, что в русском и китайском фразеологических словарях подчеркивается сварливый характер свекрови: «多年的媳妇熬成婆» [29] (досл. «Спустя много лет невестка наконец стала свекровью», в значении «за несчастьем наступает счастье»), «У лихой свекрови и сзади глаза» [14], «Свекор — гроза, а свекровь выест глаза» [21].

Стереотипы повседневных отношений невестки и свекрови определяют способ перевода антропонима *Упыриха* на китайский язык. Традиционно выделяют два способа передачи имен собственных — фонетический и смысловой. В переводе романа преимущественно использован способ фонетический, однако в тексте на китайском языке наблюдается и применение как литературного приема говорящих имен посредством смыслового перевода. Так, можно проследить вариативность перевода лексемы *Упыриха*: 乌佩里哈 Wūpèilīhā, 老妖婆 lǎo yāopó (досл. «старая ведьма»).

Благоприятный сценарий повседневной жизни женщины в татарской традиции отдаёт предпочтение рождению наследника как единственной возможности обрести высший социальный статус. В свою очередь, деторождение тесно связано с положением женщины в китайской традиционной культуре, что наблюдается во фразеологическом фонде: 母凭子贵 (досл. «Мать зависит от сына»), 一个姑娘顶半个儿子 (досл. «Девочка — это полсына») [28]. Субъектом реализации власти в вопросе рождения наследника выступает Упыриха, подчеркивая женскую несостоятельность Зулейхи определениями *жидкокровая* > 气血不足的样子 (досл. «с недостатком крови»), *мелкозубая* > 满嘴细牙的 (досл. «рот полон мелких зубов»), *худокостая* > 骨血不好 (досл. «кости и кровь плохие») (см. таблицу 2).

Выявление различных вариантов изображения обыденности в художественном тексте даёт возможность определить лакуны повседневности. Особенно ярко лакунарность повседневности при переводе художественного текста на китайский язык представлена в такой ее составляющей, как вещный мир. Вещи наполняют локус проживания персонажа. Помимо утилитарной функции, вещам приписывают функцию знаковую, которая передаёт определённые значения, ценностные характеристики человека, существенные для определённой культуры. «Слова-вещи» (Н. Л. Чулкина) соприкасаются с символами и знаками культуры, становясь фрагментом реконструкции и описания мира повседневности. Для текста романа «Зулейха открывает глаза» в большей степени характерно обращение к лексическим

Таблица 2

Социально-статусная номинация

Table 2

Social status nomination

«— Не то что ты, <i>жидкокровая</i> ... Одних девок на свет принесла — и то ни одна не выжила».	«哪儿像你，一副气血不足的样子。只会生丫头片子，而且一个没有活下来» досл. «Как ты, с недостатком крови. Родила только девчонок, и ни одна из них не выжила».
«Твоя <i>мелкозубая</i> жена не смогла родить тебе сына и скоро пропадет в преисподней».	«你那个满嘴细牙的老婆不能给你生儿子，所以她很快就要下地狱了» досл. «Твоя жена, у которой рот с мелкими зубами, не может дать тебе сына, поэтому она попадет в ад».

единицам — реалиям материальной культуры не только русского, но и татарского языков. В конце произведения Г. Ш. Яхиной представлен «Словарь татарских слов и выражений» с переводом и трактовкой татарских экзотизмов. Не только точечное насыщение текста словами-реалиями русской и татарской культуры, но и просторечия, жаргонизмы в речи героев романа создают дополнительные сложности при переводе художественного текста на китайский язык. Заслуживает внимания случай лексико-семантической замены слова *финтифлюшки*: «Но это ж не комендант — зверь: еще раз, говорит, увижу эти *финтифлюшки*...» > «然而, 这就不是警备长 — 而是动物了: 如果再让我看见这些花哨的东西...» (досл. «Однако это не комендант — это животное: если я снова увижу эти *пестрые вещи*...»). В лексикографических источниках лексема «финтифлюшки» имеет значение глупых, не имеющих большой ценности вещей. Этимологически слово «финтифлюшки» восходит к немецкому *Finten und Flausen* (в переводе «хитрость и легкомыслие») [25]. При передаче на китайский язык представлен описательный перевод сочетанием *花哨的东西* (досл. «пестрые/яркие/броские вещи»).

Из определения сущности повседневности следует, что ее важное качество — наличие пространственной и временной структуры. Пространство повседневности можно рассматривать с двух сторон. С одной стороны, это физическое пространство взаимодействия с другими объектами обыденности и протекания жизнедеятельности человека, с другой — социальное пространство коммуникации с другими людьми. В данной работе физическое пространство повседневности рассматривается как «фрагмент ландшафта, в котором протекает обыденная деятельность человека» [11, с. 18].

Традиционно повседневность связывается прежде всего с локусом проживания человека — жилищем, домом. В пространстве быта реализуются первичные повседневные практики человека, происходит удовлетворение его базовых жизненных потребностей. Примечательно, что разделение дома на *мужскую половину* > *男人睡觉的半边* (досл. «половина, где спит мужчина») и *женскую половину* > *女人睡觉的半边* (досл. «половина, где спит женщина») позволяет взглянуть на обыденность преимущественно с точки зрения актанта повседневного сознания. В связи с этим в репрезентации категории повседневности преобладает феминно маркированная информация: «слова-вещи», «слова — другие люди», «слова-ситуации» гендерно обусловлены. В пространстве быта реализуется «социальное Я» персонажа, повседневные сценарии взаимодействия с другими людьми.

Ономастические реалии повседневного существования персонажа требуют от переводчиков внимания к экстралингвистической информации с целью подбора подходящего инструмента компенсации лакунарных единиц. В частности, передача окказионального названия сибирского спецпоселения для раскулаченных *Семрук* на китайский язык потребовала введения в текст переводческого комментария (см. таблицу 3).

Из вышеприведенных примеров мы видим, что первоначальный топоним *Семрук* > *七只手* (досл. «семь рук») был переведен на китайский язык с помощью

приема калькирования. Однако в процессе изменения топонима произошло слияние лексем «семь» и «рук» в название *Семрук* > 谢姆鲁克 (xièmǔlǔkè), в передаче которого переводчики использовали традиционный в русско-китайском переводе ономастических реалий способ транскрипции. Для того чтобы происхождение названия поселения стало понятным для реципиентов-носителей другого языка и культуры, в переводе используется переводческий комментарий к слову-лакуне: «в русском языке словосочетание «семь рук» — *семь рук*, без мягкого знака становится *сем рук*, без пробела между двумя словами становится *семрук* (谢姆鲁克), это и есть название села»). По словам Лю Вэньфэя, переводчика классической и современной русской литературы, китайские переводчики «скрупулезно подходят к переводу русской литературы, стараются максимально адекватно передать содержание оригиналов» [17]. Особенно в условиях русско-китайского перевода лингвокультурный комментарий является важным средством компенсации смысловых потерь, он приближает перевод к адекватности передачи лакунарных единиц текста с одного языка на другой.

Сущность повседневности, заключающаяся в проживании человеком мира обыденности, предполагает не только определенную пространственную организацию, но и обусловленную спецификой категории временную структуру. В тексте Г. Ш. Яхиной повторяемость, многократность действий поддерживается частотностью глаголов несовершенного вида настоящего времени. В китайском

Таблица 3

Перевод топонима

Table 3

The translation of toponym

«— <i>Семь рук</i> , — не сразу ответил Игнатов».	«“七只手”。伊格纳托夫缓慢地回答道» досл. «„ <u>Семь рук</u> “, — медленно ответил Игнатов».
«— Черт с тобой! — махнул рукой Кузнец. — Пусть будет <i>Семь рук</i> !»	«“见你的鬼!” 库兹涅茨摆了摆手, “就叫七只手好啦!”» досл. «„Черт с тобой!“ — кузнец махнул рукой. — „Назовем <u>Семь рук</u> !“»
«Наборщик в типографии принял нужный пробел за ошибку, исправил — и во все справочники, на все карты поселок вошел под несколько измененным, но не менее звучным названием: <i>Семрук</i> ».	«而印刷厂的排字工人将村名中的空格视为打字错误, 并且做了纠正 — 结果, 现在变成了谢姆鲁克! 在所有手册和地图上, 出现的都是这个名字。村名被做了一点改动, 不过依然响亮» досл. «Наборщик в типографии посчитал пробел в названии деревни ошибкой и исправил ее. В результате теперь это <u>Семрук</u> . Это название на всех картах. Название села немного изменено, но оно по-прежнему звучное».

языке отсутствует грамматическая категория вида глагола, поэтому глаголы не-совершенного вида настоящего времени, передающие рутинность обыденной жизни персонажа, были переведены на китайский язык глаголами с частицей 了 (см. таблицу 4).

В результате подобной грамматической трансформации незавершенное действие, актуальное в контексте развития мотива пробуждения, социального взросления, приобрело статус действия, завершенного к моменту речи.

В ходе сопоставительного анализа лексической репрезентации категории повседневности в романе Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» и в его китайском переводе был описан и изучен корпус лакунарных единиц обыденности, были определены способы компенсации лакунарности в переводе. Основываясь на классификации лакун Л. К. Байрамовой, мы выявили лексико-семантические, лексико-стилистические и грамматические лакунарные единицы [2]. Исследование средств передачи лакун повседневности на китайский язык позволило сделать вывод о том, что основными лексическими трансформациями при компенсации смысловых потерь можно считать приемы транслитерации, калькирования, лексико-семантической замены, описательного перевода.

Лексико-семантические лакуны обнаруживаются в репрезентации фрагментов вещного мира и одежды, а также при переводе некоторых антропоцентрических лексем. Этнографические лакуны компенсируются приемом описательного перевода: *киштэ* > 衣櫥的木杆 (досл. «деревянная жердь гардероба»), *кызылык* > 马肉香肠 (досл. «конская колбаса»), *женская половина* > 女人睡觉的半边 (досл. «половина, где спит женщина»), *мужская половина* > 男人睡觉的半边 (досл. «половина, где спит мужчина»), *абыстай* > 阿訇的妻子 (досл. «жена имама»). Описательная передача на китайский язык присуща лексемам ритуальной составляющей повседневности, придающим образу Зулейхи национально-культурную самобытность: *басу капка иясе* > 村神 (досл. «дух деревни»), *зират иясе* > 墓地神 (досл. «дух кладбища»), *шурале* > 林妖 (досл. «демон леса»). Кроме того, значение этнографических лакун компенсируется функциональной, лексико-семантической заменой: *каплау* > 單单

Таблица 4

Перевод глагольных форм

Table 4

The translation of verb forms

«Зулейха <u>открывает</u> глаза»	«祖列依哈睁开了眼睛» досл. «Зулейха <u>открыла</u> глаза»
«Зулейха <u>засыпает</u> »	«祖列依哈睡着了» досл. «Зулейха <u>уснула</u> »
«Опять <u>принимаются</u> за работу»	«俩人又接着干活儿了» досл. «Оба снова <u>приступили</u> к работе»
« <u>Начинается</u> новый день»	«新的一天开始了» досл. «Новый день <u>начался</u> »

(досл. «накидка, покрывало»), *кота* > 毡靴 (досл. «валенки»), *кульмэк* > 衬衣 (досл. «рубашка»), *изба* > 房子 (досл. «дом, жилье»), *улым* > 儿子 (досл. «сын»), *эни* > 妈妈 (досл. «мама»).

Лексико-семантические лакуны повседневности возникают в тексте при переводе понятия или явления, отсутствующего в китайском языке. Адекватный перевод этого вида лакунарных единиц связан с фоновыми знаниями переводчика, в которых наличествует культурный компонент. К данной группе единиц можно отнести окказионализмы, перевод которых демонстрирует широкое использование приема лингвокультурного комментария, как, например, в вышеописанном случае передачи на китайский язык топонима *Семрук*. Переводческое комментирование наблюдаем также во фрагменте текста, где герои выбирают название для своего поселения. Топоним *Вила* > 维拉 (Wéilā), образованный путем слияния первых букв имен персонажей (Вольф, Иван, Лукка, Авдей), впоследствии получивший интерпретацию с точки зрения созвучия с именем Владимира Ильича Ленина, был переведен способом транскрипции с подстрочным примечанием переводчиков: «列宁的全名首字母缩写是“ВИЛ”, 加第二格“А”, 组合到一起恰好是“ВИЛА”» [31, с. 334] (в переводе: «Сокращение полного имени Владимира Ленина — „ВИЛ“, плюс во втором слове „А“, комбинация звуков читается „ВИЛА“»). К лексико-семантическим лакунам повседневности относятся историко-культурные реалии советской системы, ее термины, которые показали различные способы компенсации при переводе на китайский язык: транскрипция (*большевик* > 布尔什维克 bu'ershewei; *советский* > 苏维埃 suwei'ai); калькирование (*ГубЧК* > 省肃反委员会, досл. «губернский чрезвычайный комитет»); *ГПУ* > 国家政治总局, досл. «государственное политическое управление»); описательное толкование (*продналог* > 余粮税, досл. «налог на избыток зерна»; *продразверстка* > 余粮征集制, досл. «система взимания избытка зерна»).

В результате исследования лексико-семантических лакун было установлено, что некоторые неточности в фоновых знаниях переводчика могут привести к прагматической аномалии при переводе. Так, при контекстуальной замене лексемы *калхус* (колхоз) > 太阳神 (досл. «бог солнца») был допущен перевод советизма в теоним, что противоречит советской идеологии.

Лексико-стилистические лакуны широко представлены просторечной лексикой и окказиональными словами в речи персонажа Упырихи. Референции и определения в адрес Зулехи, выраженные корпусом разговорной, стилистически сниженной, пренебрежительной лексики, выступают дополнительной сложностью при переводе на китайский язык. Так, преимущественным способом перевода эмоционально-оценочной лексики для характеристики адресата упрека является прием описательного толкования: *жидкокровая* > 气血不足的样子 (досл. «с недостатком крови»), *мелкозубая* > 满嘴细牙的 (досл. «рот полон мелких зубов»), *худокостая* > 骨血不好 (досл. «кости и кровь плохие»). Однако при переводе гендерных номинаций переводчикам удается передать гендерную асимметрию представленного пространства повседневности за счет

функциональной замены: *девчонка* > 死丫头 (досл. «мертвая девчонка»), *женщина* > 傻娘们 (досл. «глупые женщины»).

Грамматическая лакунарность повседневности выражается в изменении при переводе факта повторяемости обыденных практик персонажа. Отсутствие в китайском языке категории вида глагола приводит к вынужденной мере — переводу глаголов несовершенного вида «начинается», «открывает», «засыпает» китайскими глагольными конструкциями в форме прошедшего времени со значением действия, завершённого к моменту речи: *открывает* > 睁开了 (открыла), *засыпает* > 睡着了 (уснула), *начинается* > 开始了 (начался). Лакунарность видо-временных форм глаголов в контексте русско-китайского перевода в некотором смысле может затемнять развитие мотива пробуждения. Вместе с тем переводчики романа обращают внимание китайских читателей на динамику социального взросления персонажа в предисловии: «放眼俄罗斯文学史, 祖列依哈的形象有别于传统的女性形象。小说中, 祖列依哈先后三次“睁开了眼睛“, 这意味着她对自己以及对自己人生的看法发生三次转变, 实现三次升华» («Если взглянуть на историю русской литературы, очевидно, что Зулейха отличается от традиционного женского образа. В романе Зулейха трижды „открыла глаза“, что означает, что ее взгляды на себя и свою жизнь поменялись трижды»). Таким образом, изучение различных вариантов изображения обыденности в художественном тексте не только дает возможность выявить лакунарные единицы повседневности, но и раскрывает художественно-философский замысел произведения.

Обсуждение и выводы

В данной работе лакуны повседневности представлены как обладающие лингвистическим и экстралингвистическим потенциалом единицы. Исследование привело нас к выводу о том, что повседневность в художественном тексте существенно выходит за рамки описания этнографических, историко-культурных деталей. На основании полученных результатов можно утверждать, что категория повседневности в тексте романа Г. Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» обладает следующим набором характеристик:

1. Обыденность раскрывается в аспекте полиэтничности советских реалий, что придает многомерность повседневному миру произведения, а переводу на китайский язык — дополнительную сложность в трансляции культуры.
2. Гендерная маркированность повседневности, обусловленная традиционным укладом жизни героини и жесткой гендерной стереотипизацией, асимметрией в рамках представленного социального порядка, не только определяет набор элементов репрезентации обыденности в художественном тексте, но и гендерную проблематику перевода.
3. Включенность текста в панораму исторических событий тридцатых-сороковых годов демонстрирует изменение традиционных повседневных практик человека/персонажа, что прослеживается в определенных, сюжетобразующих частях композиции текста.

Изучение лакунарных единиц повседневности на материале произведения позволило сделать вывод о том, что основными видами лакун в контексте русско-китайского перевода художественного текста можно считать лексико-семантические, лексико-стилистические и грамматические лакунарные единицы. Компенсация лакун обыденности в условиях представленной языковой пары включает в себя такие способы, как транскрипция, калькирование, описательный перевод, лексико-семантическая замена.

Внимание к необходимости комплексного анализа языковых единиц, порождающих лакунарность в русском и китайской языках, а также к разработке инструментов адекватного перевода лакунарных единиц становится всё более актуальным в условиях непрерывного развития российско-китайских отношений во всех сферах деятельности, в том числе и культурной. Важным становится сопоставительное изучение русского и китайского языков в целях преодоления барьеров перевода, вызванных лингвокультурными различиями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник / З. Е. Александрова. 2011. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova/index-204.html> (дата обращения: 25.02.2021).
2. Байрамова Л. К. Лингвистические лакунарные единицы и лакуны / Л. К. Байрамова // Вестник Череповецкого государственного университета. 2011. № 25 (240). С. 22-27.
3. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман; пер. Е. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Быкова Г. В. Лакунарность как категория лексической системологии / Г. В. Быкова. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. 303 с.
5. Галактионова Н. А. Изучение русской фразеологии на занятиях по русскому языку как иностранному / Н. А. Галактионова, Н. А. Никулина // Мир образования — образование в мире. 2016. № 4 (64). С. 247-254.
6. Гуревич А. Я. Средневековой мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. М.: Искусство, 1990. 395 с.
7. «Дети мои» по-китайски: в Пекине назвали лучших переводчиков с русского языка // Российская Газета. URL: [https://rg.ru/2020/12/22/v-kitae-nazvali-luchshih-perevodchikov-s-russkogo-iazyka.html](https://rg.ru/2020/12/22/v-kitae-nazvali-luchshih- perevodchikov-s-russkogo-iazyka.html) (дата обращения: 25.02.2021).
8. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. М.: Русский язык, 2000. 3312 с. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 01.03.2021).
9. Капкан М. В. Культура повседневности: [учеб. пособие] / М. В. Капкан; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. 110 с.
10. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф. М.: ИГ «Прогресс»; Прогресс-Академия, 1992. 376 с.

11. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре / В. Д. Лелеко. СПб.: С.-Петербург. гос. ун-т культуры и искусств, 2002. 320 с.
12. Лефевр А. Повседневное и повседневность / А. Лефевр // Социологическое обозрение. 2007. Том 6. № 3. С. 33-36.
13. Манкевич И. А. Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации: монография / И. А. Манкевич. СПб.: Алетейя, 2011. 712 с.
14. Мокиенко В. М. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2010. 1026 с.
15. Новикова Н. Л. Культура повседневности. Теоретический аспект / Н. Л. Новикова. Саранск: Красный Октябрь, 2004. 164 с.
16. Плеухова Е. А. Лексическая лакунарность и ее отражение в переводе: дис. ... канд. филол. наук / Е. А. Плеухова. Казань, 2001. 20 с.
17. Русская культура за рубежом: в Пекине открылся Центр славистики, нацеленный на изучение современной русской литературы // Президентская библиотека. URL: <http://www.prlib.ru/news/Pages/Item.aspx?itemid=11292> (дата обращения: 22.02.2021).
18. Русский ассоциативный словарь. URL: <http://thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 25.02.2021).
19. Струкова Т. Г. Повседневность и литература / Т. Г. Струкова // Научно-философский анализ повседневности: проблемы и перспективы развития в XXI веке. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2010. С. 141-158.
20. Тарутин Е. И. Философия телесности и повседневность / Е. И. Тарутин // Вестник АмГУ. 2014. Вып. 66. С. 11-15.
21. Фёдоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. Ок. 13 000 фразеологических единиц / А. И. Фёдоров. 3-е изд., испр. М.: Астрель; АСТ, 2008. 878 с.
22. Цуйин С. Коммуникативно-социальный опыт женщины в пространстве традиционной культуры / С. Цуйин, О. А. Нестерова // Человек. 2019. Том 30. № 4. С. 156-175.
23. Чан Сянюй. О культурных лакунах в международной коммуникации (на материалах русского и китайского языков) / Чан Сянюй // Наука, образование и культура. 2017. № 9 (24). С. 39-43.
24. Чулкина Н. Л. Мир повседневности в языковом сознании русских: лингвокультурологическое описание / Н. Л. Чулкина. Изд. стереотип. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. 256 с.
25. Этимологический онлайн-словарь русского языка Макса Фасмера. URL: <https://lexicography.online/etymology/vasmer/> (дата обращения: 27.02.2021).
26. Ястребицкая А. Л. Повседневность и материальная культура Средневековья в отечественной медиевистике / А. Л. Ястребицкая // Одиссей: Человек в истории. 1991. М.: Наука, 1991. 275 с.
27. Яхина Г. Ш. Зулейха открывает глаза / Г. Ш. Яхина; предисл. Л. Улицкой; ред. Е. Шубиной. М.: АСТ, 2015. 508 с.
28. 叶芳来 俄汉谚语俗语词典. 北京: 商务印书馆, 2005. 375页. Е. Фанлай. Русско-китайский словарь пословиц и поговорок / Е. Фанлай. Пекин: Шанъу иньшугуань, 2005. 375 с.

29. 尹邦彦 汉语熟语英译词典. 上海: 上海外语教育出版社, 2005年. 1042页. Инь Банъянь. Словарь китайских фразеологизмов с переводом на английский язык / Инь Банъянь. Шанхай: Шанхайское изд-во преподавания иностранных языков, 2005. 1042 с.
30. 现代汉语词典. 北京: 商务印书馆, 2005. 1958页. Словарь современного китайского языка. Пекин: Бизнес-издательство, 2005. 1958 с.
31. 祖列依哈睁开了眼睛 / (俄罗斯) 古泽尔 雅辛娜著; 张杰, 谢云才译. 北京: 人民文学出版社, 2017. 495页 (21世纪年度最佳外国小说).
32. 英俄汉通用大词典 / 王乃文等主编. 北京: 学苑出版社, 2008. 2886页. Большой англо-русско-китайский многофункциональный словарь / Ван Найвэн и др. Пекин: Сюеюэн, 2008. 2886 с.

Iana E. ANDREEVA¹

UDC 81'255.2

**LINGUISTIC REPRESENTATION
OF THE EVERYDAY LIFE CATEGORY
IN THE NOVEL WRITTEN BY G. SH. YAKHINA
“ZULEIKHA OPENS HER EYES”
AND IN ITS TRANSLATION INTO CHINESE**

¹ Postgraduate Student, University of Tyumen
y.e.andreeva@utmn.ru

Abstract

This article examines the linguistic means of representing the category of everyday life in the novel by G. Sh. Yakhina “Zuleikha opens her eyes” and in its translation into Chinese. Recently, there has been an increasing interest in the anthropology of everyday life, a broad line of research into everyday life. Comparative study of linguistic units, which reveal the essence of everyday human existence, makes it possible to identify lacunar units that are difficult to translate fiction in the context of the Russian-Chinese language pair. The scientific novelty of the research is determined by the involvement in the analysis of linguistic methods of conveying the category of everyday life in the aspect of translating a Russian literary text into Chinese. The work used the methods of comparative, component, contextual analysis, the method of linguoculturological commenting. As a result of the study, the lexical-semantic, lexical-stylistic and grammatical lacunar units were identified, which demonstrate linguo-cultural barriers in the process of translating a text into Chinese.

A comparative analysis of the texts was carried out in order to comprehend the lexical and grammatical transformations performed in the process of translation. As a result, the main ways of compensating for the lacunae of everyday life in Russian-Chinese translation were identified: transcription, tracing, descriptive translation, lexical-semantic replacement.

Citation: Andreeva Ia. E. 2021. “Linguistic Representation of the Everyday Life Category in the Novel Written by G. Sh. Yakhina ‘Zuleikha Opens Her Eyes’ and in Its Translation into Chinese”. Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanities, vol. 7, no. 2 (26), pp. 77-95.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-2-77-95

In addition, it was found that the study of various options for depicting everyday life in a literary text not only makes it possible to identify lacunar units of everyday life, but also reveals the artistic and philosophical intention of the work.

Keywords

The category of everyday life, gaps, lexical transformation, grammatical transformation, lacunar compensation.

DOI: 10.21684/2411-197X-2021-7-2-77-95

REFERENCES

1. Alexandrova Z. E. 2011. Dictionary of Synonyms of the Russian Language. Practical Guide. Accessed on 25 February 2021. <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova/index-204.html> [In Russian]
2. Bayramova L. K. 2011. "Linguistic lacunar units and lacunas". Bulletin of the Cherepovets State University, no. 25 (240), pp. 22-27. [In Russian]
3. Berger P. L., Luckmann T. 1995. The Social Construction of Reality. A Treatise on Sociology of Knowledge. Translated by E. Rutkevich. Moscow: Medium. 323 p. [In Russian]
4. Bykova G. V. 2003. Lacunarity as a Category of Lexical Systemology. Blagoveshchensk: BSPU Publishing House. 303 p. [In Russian]
5. Galaktionova N. A., Nikulina N. A. 2016. "The study of Russian phraseology in the classroom in Russian as a foreign language". World of Education — Education in the World, no. 4 (64), pp. 247-254. [In Russian]
6. Gurevich A. Ya. 1990. Medieval World: the Culture of the Silent Majority. Moscow: Art. 395 p. [In Russian]
7. Russian newspaper. "My children" in Chinese language: the best Russian translators have been named in Beijing. Accessed on 25 February 2021. <https://rg.ru/2020/12/22/v-kitae-nazvali-luchshih-perevodchikov-s-russkogo-iazyka.html> [In Russian]
8. Efremova T. F. 2000. New Dictionary of the Russian Language. Explanatory and Derivational. Moscow: Russian language. 3312 p. Accessed on 1 March 2021. <https://dic.academic.ru>
9. Kapkan M. V. 2016. Culture of Everyday Life (Tutorial). Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Ural Federal University. Yekaterinburg: Ural Publishing House University. 110 p. [In Russian]
10. Le Goff J. 1992. Civilization of the Medieval West. Moscow: IG "Progress", Progress-Academy. 376 p. [In Russian]
11. Leleko V. D. 2002. The Space of Everyday Life in European Culture. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Culture and Arts. 320 p. [In Russian]
12. Lefebvre A. 2007. "Everyday life". Sociological Review, vol. 6, no. 3, pp. 33-36. [In Russian]
13. Mankevich I. A. 2011. Poetics of the Ordinary: the Experience of Culturological Interpretation: Monograph. St. Petersburg: Aletya. 712 p. [In Russian]

14. Mokienko V. M., Nikitina T. G., Nikolaeva E. K. 2010. Big Dictionary of Russian Proverbs. About 70,000 Proverbs. Moscow: OLMA Media Group. 1026 p. [In Russian]
15. Novikova N. L. 2004. Culture of Everyday Life. The Theoretical Aspect. Saransk: Red October. 164 p. [In Russian]
16. Pleukhova E. A. 2001. "Lexical lacunarity and its reflection in translation". Cand. Sci. (Philol.) diss. Kazan. 20 p. [In Russian]
17. Presidential Library. Russian culture abroad: the Center for Slavic Studies, aimed at studying modern Russian literature, was opened in Beijing. Accessed on 22 February 2021. <http://www.prlib.ru/news/Pages/Item.aspx?Itemid=11292> [In Russian]
18. Russian associative dictionary. Accessed on 25 February 2021. <http://thesaurus.ru/dict/> [In Russian]
19. Strukova T. G. 2010. "Everyday life and literature". Scientific and Philosophical Analysis of Everyday Life: Problems and Prospects of Development in the XXI Century, pp. 141-158. [In Russian]
20. Tarutina E. I. 2014. "Philosophy of corporeality and everyday life". Bulletin of the AmSU, vol. 66, pp. 11-15. [In Russian]
21. Fedorov A. I. 2008. Phraseological Dictionary of the Russian Literary Language: about 13,000 Phraseological Units. Moscow: Astrel; AST. 878 p. [In Russian]
22. Tsuyin S., Nesterova O. A. 2019. "Communicative and social experience of women in the space of traditional culture". Man, vol. 30, no. 4, pp. 156-175. [In Russian]
23. Chang Xiangyu. 2017. "On cultural gaps in international communication (based on the materials of the Russian and Chinese languages)". Science, Education and Culture, no. 9 (24), pp. 39-43. [In Russian]
24. Chulkina N. L. 2016. The World of Everyday Life in the Linguistic Consciousness of Russians: A Linguoculturological Description. Moscow: Book House "LIBROKOM". 256 p. [In Russian]
25. Etymological online dictionary of the Russian language by Max Vasmer. Accessed on 27 February 2021. <https://lexicography.online/etymology/vasmer/>
26. Yastrebitskaya A. L. 1991. "Everyday life and material culture of the Middle Ages in Russian medieval studies". Odyssey: Man in History. Moscow: Nauka. 275 p. [In Russian]
27. Yakhina G. Sh. 2015. Zuleikha Opens Her Eyes. Edited by E. Shubina, L. Ulitskaya. Moscow: AST. 508 p. [In Russian]
28. Ye Fanlai. 2005. Russian-Chinese Dictionary of Proverbs and Sayings. Beijing: Shangu Yinshuguan. 375 p. [In Chinese]
29. Yin Banyan. 2005. Dictionary of Chinese Phraseological Units with Translation into English. Shanghai: Shanghai Foreign Language Teaching Publishing House. 1042 p. [In Chinese]
30. Dictionary of Modern Chinese. 2005. Beijing: Business Publishing House. 1958 p. [In Chinese]
31. 祖列依哈睁开了眼睛 / (俄罗斯) 古泽尔 雅辛娜著; 张杰, 谢云才译. 北京: 人民文学出版社, 2017. 495页 (21世纪年度最佳外国小说).
32. Wang Naiwen. 2008. Big English-Russian-Chinese multifunctional dictionary. Beijing: Xueyuen Publishing House. 2886 p. [In Chinese]